

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ГОРАЦИЯ

Ключевые слова: Гораций, римская история, Карфаген, Вторая Пуническая война, Ганнибал, парфяне, латинские историки.

В статье рассмотрены все упоминания о событиях римской истории в поэзии Горация. Исторические знания — неотъемлемая часть духовной культуры Горация, в значительной степени определяющие стилистику его стихотворений.

V. S. DUROV

St. Petersburg State University

HORACE'S HISTORICAL MEMORY

Keywords: Horace, Roman History, Carthage, Second Punic War, Hannibal, Parthians, Latin historians.

The paper analyses all the events in Roman history that Horace mentions in his poetry. Aspects of history form an inherent part of Horace's spiritual culture, factually determining his poetical stylistics.

«Не знать, что случилось до твоего рождения — значит всегда оставаться ребенком. В самом деле, что такое жизнь человека, если память о древних событиях не связывает ее с жизнью наших предков» (Цицерон. Оратор 120)¹.

Даже если Гораций не знал этих слов своего старшего современника Цицерона, выраженную в них мысль он, вне всякого сомнения, разделял, подтверждение чему его стихи, в которых содержится немало упоминаний о событиях, связанных с историей его родины. Многое можно понять, «стоит лишь, — говорит Гораций, — развернуть событийную летопись мира» (*tempora si fastosque velis evolvere mundi* — Sat. 1,3,112).

¹ Пер. М. Л. Гаспарова в кн.: [Цицерон, 1972].

Если в ранних произведениях, сатирах и эподах, увидевших свет между 35 и 30 г. до н. э., и в посланиях, опубликованных после 20 г. до н. э., Гораций обращается к истории нечасто, то в одах, появившихся в 23 г. до н. э., таких обращений довольно много.

Начнем с сатир и эподов. В 6-й сатире 1-й книги — она занимает в сборнике особое место: в ней поэт рассказывает о себе и своем знакомстве с Меценатом — содержится указание на Валерия Попликолу (*gens Valeri*), участника свержения и изгнания из Рима царя Тарквиния Гордого (ст. 12–13), и на Публия Деция Муса, консула 340 г. до н. э., упомянутого поэтом, как *homo novus* (*Decio novo* — стих 20).

В следующей, 7-й, сатире — она содержит описание тяжбы, свидетелем которой в 43 г. до н. э. был Гораций, находящийся в Малой Азии на службе у Марка Брута, под чьим судейством и проходил описываемый в сатире процесс, — один из тяжущихся обращается за помощью к Бруту, как к тому, *qui reges consueris tollere* «кто привык изгонять царей» (ст. 30), имея в виду свержение Луцием Брутом с царского трона Тарквиния Гордого и одновременно намек на убийство в 44 г. до н. э. Юлия Цезаря, главным участником которого был Марк Брут.

В начальной сатире 2-й книги Гораций вспоминает Публия Корнелия Сципиона Африканского, захватившего и разрушившего в 146 г. до н. э. Карфаген (ст. 62–68). Кроме того, в этой сатире содержится указание на выведение в 291 г. до н. э. колонии Венузии, что произошло после победы римлян в Третьей самнитской войне (ст. 35–39). Это было сделано для того, чтобы, как объясняет Гораций, заселить опустевшие после изгнания самнитов земли и закрыть путь на Рим апулийцам или луканцам, если бы они решили развязать войну (ст. 35–39).

Что касается эподов, то лишь в трех (7, 9 и 16) из 17-ти Гораций упоминает о событиях отечественной истории. В 7-м эпизоде (*Quo, quo scelesti ruitis?*) названы внешние враги, которых римляне победили в вооруженном противоборстве: Карфаген (ст. 5–6), британцы (ст. 7–8) и пока еще не побежденные парфяне (ст. 9–10). В 9-м эпизоде, написанном по случаю победы над Анто-

нием и Клеопатрой в 31 г. до н. э., Гораций вспоминает о других победах римлян в Северной Африке — над Югуртой в 101 г. до н. э. (ст. 23) и Карфагеном в Третьей пунической войне (ст. 25).

В предпоследнем, 16-м, эпизоде Гораций, с ужасом взвзирающий на римское общество, устремившееся в хаос гражданских междоусобиц, перечисляет (в последовательном удалении от Рима) войны римлян (ст. 3–8): с италиками-марсами (90 г. до н. э.), этрусским царем Порсенной (508 г. до н. э.), Капуей (III в. до н. э.)², Спартакком (73–71 гг. до н. э.), галлами-аллоброгами (63 г. до н. э.), кимврами (101 г. до н. э.) и Ганнибалом (218–201 гг. до н. э.). Неужели, спрашивает поэт, Рим, который не смогли сгубить эти враги, рухнет в пламени гражданской войны, ведь *altera iam teritur bellis civilibus aetas* «уже второе поколение терзается гражданскими войнами» (стих 1).

Как мы видим, события, упоминаемые здесь Горацием, в общем, хрестоматийные: изгнание царей из Рима, войны с Карфагеном, победа над кимврами, одержанная Гаем Марием в 101 г. до н. э., восстание рабов под предводительством Спартака.

А теперь взглянем на оды. Именно этой частью своей литературной продукции Гораций гордится в первую очередь (*exegi monumentum* — Оды 3,30).

Хотя в 1-й книге «Од» Гораций заявляет о том, что «жесточайшая мать Купидонов» (*mater saeva Cupidinum*) не позволяет ему вещать о скифах и парфянах (1,19,11–12; «Что мне до них?» — 1,26,4–5), а ему и самому глубоко чужды *bellum lacrimosum, miseram famem pestemque* «горестная война, мучительный голод и мор» (1,21,13–14), тем не менее в одах повсюду рассыпаны упоминания о врагах Рима. Это парфяне (*Parthi*), иногда они назва-

² Капуя — давний соперник, на протяжении многих десятилетий оспаривавший у Рима власть над Италией. Вот что пишет об этом Цицерон: «Во всем мире носителями величия и имени державы могут быть только три города: Карфаген, Коринф и Капуя... Насчет Капуи много и долго совещались... Умудренные опытом люди решили, что если отнять у жителей Кампании их земли, если уничтожить в этом городе государственные должности... и не оставить в нем и видимости государственного строя, то у нас не будет оснований бояться Капуи». (Автономия Капуи была уничтожена в 211 г. до н. э.) См.: [Цицерон, 1962].

ны персами (*Persae*), иногда мидянами (*Medi*), даки, геты, скифы, они же гелоны или массагеты, британцы, иберийцы, кантабры, сигамбры, галлы, колхи, арабы, серы, гетулы и, конечно, карфагеняне, которых Гораций называет «африканцы» (*Afri*) или «пунийцы» (*Poeni*).

Уже одно это перечисление дает представление об осведомленности поэта касательно текущего положения дел в стране и исторического прошлого, особенно в сфере военного противостояния римлян и других народов. А врагов у римлян хватало. Вот как Гораций очерчивает границы империи в оде, написанной по случаю побед Друза и Тиберия, пасынков Августа, над винделиками и их альпийскими союзниками гетавами и бревианами в 15 г. до н. э.: «Тебе, оплот Италии и владыка Рима, дивятся кантабр, мидянин, индиец и скиф, тебя чтут Нил, Истр, Тигр и Океан, который шумит британцам, а также Галлия, Иберия и сигамбры» (4,14,41–52).

А теперь посмотрим, на каких эпизодах римской истории Гораций останавливается особо.

Во всех книгах «Од» содержатся упоминания о войнах с Карфагеном. В оде, обращенной к музе истории Клио (1,12), Гораций, говоря о примерах римской доблести, проявленной в сражениях с врагами, называет среди других имя консула 256 г. до н. э. Марка Атилия Регула. Во время Первой пунической войны в 255 г. в битве при Тунете (в этом ливийском городе находилась стоянка римлян) Регул был взят в плен карфагенянами и отправлен в Рим для мирных переговоров, однако он убедил Сенат отказаться от всех предложений врагов, за что по возвращении в Карфаген (таково было условие) его подвергли смертной казни³. Подробному рассказу о Регуле посвящены стихи 13–56 и в 5-й оде 3-й книги. Там же передается блестящая речь Регула в Сенате (стихи 18–40), в которой проявился его «проницательный ум» (*mens provida Reguli* — 3,5,13).

³ «Новейший Регул, чести бог...» — так иронически определяет Зарецкого, побывавшего в плену у французов автор «Евгения Онегина» (гл. 6, строфа 5, ст. 11). То, что во времена Пушкина было общеизвестным и не вызывало недоумения, сейчас требует пояснений.

Вернемся к 12-й оде 1-й книги. В ней, помимо Регула, упоминаются консул 216 г. до н. э. Луций Эмилий Павел и, видимо, Марк Клавдий Марцелл (*crescit fama Marcelli* — ст. 45–46). Первый из них погиб в бою при Каннах в августе 216 г. до н. э. У Горация он предстает как образец римской доблести и благородства (ст. 37–38). Второй в 212 г. до н. э. взял штурмом Сиракузы, которые начали военные действия против римских гарнизонов в Сицилии.

Вооруженный поход Ганнибала в Италию чуть было не завершился катастрофой для римлян, с его именем связаны самые трагические воспоминания. Не случайно Гораций называет его «грозой для предков» (*parentibus abominatus* — *Эподы* 16,8): он «жесток» (*durus* — *Оды* 2,12,2; 3,6,36) и «вероломен» (*perfidus* — 4,4,49), его угрозы (*Hannibalis minae* — 4,8,16) до сих пор живы в памяти римлян. Поэт вкладывает в уста Ганнибала пространную речь, в которой тот оплакивает гибель своего брата Гасдрубала, разбитого в 207 г. до н. э. при Метавре консулом Клавдием Нероном (4,4,46–47). Завершается она полными отчаянья словами:

Увы, всеильны воины Клавдиев.
Им сам Юпитер грозный сопутствует:
Решенья, принятые мудро,
Оберегают их в трудных войнах.
(Пер. О. Румера)

Кому из римлян не пришлось бы по душе такие слова, произнесенные их самым заклятым врагом?

О Ганнибале Гораций помнит постоянно, и это понятно, ведь на родине поэта, в Апулии у берегов Ауфиды, римляне потерпели самое тяжелое поражение, когда при Каннах значительная часть римлян пала на поле битвы, многие попали в плен и лишь малая часть спаслась бегством.

В поэзии Горация нашли отражение события всех Пунических войн. Лишь в Третьей пунической войне «римлянин сжег надменные твердыни ненавистного Карфагена» (*superbas invidae Carthaginiis / Romanus arces ureret* — *Эподы* 7,5–6; ср. *incendia Cartaginis impiae* «пожар нечестивого Карфагена» — *Оды* 4,8,17),

над которым «доблесть воздвигла памятник Африкану» (*Africanum, cui super Carthaginem / virtus sepulcrum condidit* — Эподы 9,25–26), то есть Сципиону Эмилиану, «который заслужил взять прозвище от разрушенного Карфагена» (*qui duxit ab oppressa meritum Carthagine nomen* — Оды 2,1,65–66)⁴.

Видимо, историю противостояния Рима и Карфагена Гораций знал до мельчайших подробностей, иногда лишь намекая на известные ему события. Так, в словах «море Сицилии / от крови пунийцев алое» (Оды 2,12,2–3) содержится указание на поражение карфагенского флота в морском бою при Милах (260 г. до н. э.) и в битве при Эгатских островах (241 г. до н. э.).

С разрушением Карфагена угроза, исходящая для Рима из Северной Африки, не исчезла. Еще живы были ветераны последней войны с пунийцами, когда соседнее с Ливией Нумидийское царство из союзника превратилось во врага. Молодой энергичный царь Югурта начал военные действия против римлян. Вокруг него стали объединяться североафриканские племена; власть римлян в Африке оказалась под угрозой. Югуртинская война, затянувшаяся на шесть лет, превратилась в крупнейшее политическое событие, обнажив слабые стороны римской государственной системы: продажность Сената, бездарность полководцев, недееспособность армии, следствием чего стали позорнейшие поражения в войне. Положение изменилось с прибытием в Африку Гая Мария, избранного консулом на 107 г. до н. э.

О Югуртинской войне Гораций впервые упомянул в эподах (*Iugurthino bello* — 9,23–24). В стихотворении, открывающем 2-ю книгу од, он говорит о том, что народ, сокрушивший Карфаген, был принесен в жертву Югурте, и сделала это Юнона (*victorum nepotes / rettulit inferias Iugurthae* «внуков победителей принесла в жертву Югурте»), мстящая за гибель Карфагена, города, которого она покровительствовала (Оды 2,1,25–2).

Когда Гораций писал эти строки, Риму опять угрожала Африка, теперь это был Египет во главе с царицей Клеопатрой, жен-

⁴ Знает Гораций и о других победах Сципиона Эмилиана, например в Испанской войне, когда он осенью 133 г. до н. э. заставил сдаться город Нуманцию (Оды 2,12,1).

скими чарами поработившей Антония. *Romanus eheu — posteri negabitis — / emancipatus feminae* «Увы, римлянин — потомки, не поверите! — предался женщине» (*Эподы* 9,11–12).

Союз Клеопатры и Антония заключал в себе серьезную опасность для Рима. Гораций повествует об этом в одной из «Римских од» (3,6,13–15) и в знаменитом стихотворении *Nunc est bibendum* (1,37), написанном в 30 г. до н. э., когда в Рим пришло известие о падении столицы Египта Александрии и смерти Клеопатры и Марка Антония.

Африканская тема в то время была весьма актуальна и потому в поэзии Горация нашла отражение в соответствующей исторической перспективе.

Парфянский вопрос — относительно новая страница в римской истории. Впервые в поле зрения римлян парфяне попали в начале I в. до н. э., когда во время военных действий Суллы в Малой Азии произошел первый дипломатический контакт с ними (92 г. до н. э.). Продвижение римлян на восток привело к непосредственному соприкосновению с парфянами. В 53 г. до н. э. против них выступил Марк Лициний Красс, но в мае того же года в сражении при Каррах в Месопотамии он был убит и обезглавлен, большая часть римской армии была перебита или взята в плен. Теперь парфяне серьезно угрожали господству римлян на Востоке. В Риме болезненно переживали поражение Красса и пленение римских солдат, которые уже около двадцати пяти лет находились в плену у парфян.

С горечью и негодованием пишет Гораций о случившемся:

Монез с Пакором, дважды отбившие
В недобрый час задуманный натиск наш,
Гордятся, пронизи на шею
Римской добычей себе украсив.
(*Оды* 3,6,9–12; пер. Н. Шатерникова)

Вот почему в книгах Горация упоминания о парфянах столь часты (около 30 случаев), причем Гораций называет не только современных ему правителей Парфии царей Тиридата (*Оды* 1,26,5) и Фраата (*Оды* 2,2,17; *Послания* 1,12,27), но и тех, что правили

задолго до них: мифического царя Ахемена, родоначальника персидской династии Ахеменидов (*Оды* 2,12,21; 3,1,44; ср. *Эподы* 13,8), и основавшего в VI в. до н. э. персидскую монархию Кира (*Оды* 2,2,17; 3,29,28)⁵.

Так что можно понять радость римлян при известии о том, что парфянский царь Фраат передал Тиберию римские орлы и боевые значки, захваченные в войнах с Крассом и Антонием. Передача знамен произошла в 20 г. до н. э. Отныне римляне могли гордиться, что позор прежних поражений смыт и непобедимые парфяне просят милости у Августа. Гораций воспел это событие в «Юбилейном гимне» (17 г. до н. э.): *Iam mari terraque manus potentes / Medus Albanasque timet secures* «Вот на суше, на море перс страшится / Ратей грозных, острых секир альбанских» (стихи 53–54; пер. Н. Гинцбурга), и в заключительной оде 4-й книги, обращаясь к Августу, который «возвратил Юпитеру нашему, / Сорвав со стен кичливых парфов, / Наши значки» (4,15,6–8; пер. Г. Церетели)⁶.

Долгожданное⁷ событие произошло, и Гораций, как все римляне, благодарен Августу, чья мудрая дипломатия на Востоке оказалась столь успешной. Вряд ли стоит сомневаться в искренности Горация, автора 4-й книги «Од», хотя он и приступил к ее написанию по просьбе принцепса, пожелавшего, чтобы военные подвиги его пасынков Тиберия и Друза не были забыты.

Как говорит сам Гораций, «нет деяниям наград, если безмолствуют / свитки Муз» (4,8,21–22), ведь «безвестная доблесть немолчим разнится от сошедшего в могилу бездействия» (4,9,29–30), «много храбрых героев жили до Агамемнона, но всех их, неоплаченных и безвестных, гнетет вечная ночь, так как они не имеют

⁵ Образование Парфянского царства произошло около 250 г. до н. э. на территории державы Селевкидов. Его основатели Аршак и Тиридат претендовали на родство с персидскими Ахеменидами.

⁶ Гораций с нетерпением ждал этого события: в 3-й книге «Од» от лица вещающей богини Юноны он призывал: «Пусть грозный Рим диктует права покоренным мидянам» (3,3,43–44). И вот сбылось.

⁷ После победы при Акции Октавиан планировал поход на Восток против парфян (*iuvenis Parthis horrendus* — *Сатурны* 2,5,62; *graves Persae melius perirent* — *Оды* 1,2,22; ср. 1,21,13–16).

вещего поэта» (стихи 25–28), впрочем, уточняет Гораций, кто без страха погибнет за отечество, «имя счастливец носить вправе» (*rectius occipat / nomen beati* — стихи 46–47).

Читая Горация, мы одновременно перелистываем страницы многовековой истории Рима. Похоже, нет сколь-нибудь значительного события, о котором он не упомянул бы в своих стихах. В них нашлось место для каждого из семи римских царей: это легендарный основатель Рима Ромул, Нума Помпилий (*quietum Pompilii regnum* — *Оды* 1,12,34; *saliare Numae carmen* — 2,1,86), Тулл Гостилий (*Tullus dives* — 4,7,15), при котором был заключен союз с сабинянами (*Послания* 1,1,24–25), Анк Марций (*Оды* 4,7,15; *Послания* 1,6,27), Тарквиний Древний (*superbos Tarquini fasces* — *Оды* 1,12,34–35), при нем было достигнуто соглашение с общиной Габиев (*Послания* 2,1,24–25; ср. Тит Ливий 1,54), Сервий Туллий (*Tulli regnum* — *Сатиры* 1,6,9) и изгнанный из Рима Тарквиний Гордый (*superbus Tarquinius regno pulsus fugit* — *Сатиры* 1,6,12–23), он нашел убежище у этрусского царя Порсенны, который в 508 г. до н. э. выступил с войском против Рима и осадил город. Об этрусской рати Порсенны (*Etrusca Porsennae manus*) Гораций вспоминает в эподах (16,4).

Упоминает Гораций и о правлении децемвиров, оставивших после себя Законы XII таблиц (451–450 гг. до н. э.): *tabulas peccare vetantis, / quas bis quinque viri sanxerunt* «доски, запрещающие грешить, которые освятили десять мужей» (*Послания* 1,1,23–24). В памяти поэта — нашествие на Рим галлов, осадивших в 390 г. до н. э. Капитолий (тогда положение спас Марк Камилл Фурий, пришедший на помощь со своим войском в самый драматический момент), Латинская война, во время которой прославился Публий Деций Мус, консул 340 г. до н. э., пожертвовавший собой ради победы над неприятелем, и события Третьей самнитской войны (298–290 гг. до н. э.), тогда впервые проявился полководческий талант консула 290 г. Мания Курия Дентата, ставшего образцом старинной римской доблести. Это — нашествие эпирского царя Пирра (*Оды* 3,6,35), который дважды высаживался в Италии со своим войском (в 280 и 275 гг. до н. э.); это — уже рассмотренные нами события трех Пунических войн. Но еще до начала Третьей пуни-

ческой войны в 190 г. до н. э. римляне нанесли страшное поражение сирийскому царю Антиоху в сражении при Магнесии (Сирийская война 192–189 гг. до н. э.). Имя Антиоха Гораций упоминает в одном ряду с именами таких злейших врагов Рима, как Пирр и Ганнибал (*Оды* 3,6,36). В 146 г. до н. э. римлянами был разрушен Коринф (*captiva Corinthus* — *Послания* 2,1,193) и завоевана Греция (*Graecia capta* — 2,1,156).

Выразительные строки посвящены Югуртинской войне 111–105 гг. до н. э., Союзнической (или Марсийской) войне 91–88 гг. до н. э., в которой отличилось воинственное племя марсов, чья храбрость вошла в поговорку (*acer Marsi voltus* — *Оды* 1,2,39–40; ср. 2,20,17–18; *Marsi duelli* — 3,14,18; ср. *Эподы* 16,3), восстанию Спартака, а также событиям современной Горацию действительности.

Многие драматические события происходили на родине Горация, в Апулии. Например, в 279 г. до н. э. при Аускуле, городе к северу от Венузии, высадившийся в Италии эпирский царь Пирр одержал победу над римлянами, понеся при этом тяжелые потери («Пиррова победа»). Героев войны с Пирром Гая Фабриция Лусцина и Манья Курия Дентата Гораций называет в одной из од (1,12,38 и 40).

О битве при Каннах речь шла выше.

В восточной части Апулии у горы Гарган были разгромлены в 72 г. до н. э. восставшие рабы, а весной 71 г. до н. э. на юге Апулии произошла последняя битва со Спартаком (*Эподы* 16,5; *Оды* 3,14,19).

Немногие из нас могут похвалиться таким же знанием родной истории, каким обладал Гораций. Его исторический кругозор таков, что он вполне мог бы быть эпическим поэтом, пишущим на исторические темы, к которым он, несмотря на все его отговорки, явно тяготел⁸.

Кому-то может показаться, что Гораций обладает особой осведомленностью в области отечественной истории и это является

⁸ *Dicam insigne, recens, adhuc / indictum ore alio; nil parvum aut humili modo, / nil mortale loquar* (*Carm.* 3,25,7 8; 17–18); *volentem proelia me loqui / victas et urbis* (4,15,1–2).

чем-то исключительным. Но это не так. И вот почему. Гораций обычно называет имя какого-либо исторического деятеля, полагая, что для слушателей его произведений этого вполне достаточно, их реакция будет незамедлительной, ассоциации именно те, каких он и ожидал. Стоило ему сказать «Деций» (*Сатиры* 1,6,20), и у его слушателей это имя тотчас вызвало в памяти подвиг Публия Деция Муса, который во время войны с латинами, в торжественных словах принеся в жертву самого себя и неприятелей, бросился в гущу врагов и погиб. Его смерть вызвала подъем духа у римлян, и они одержали блестящую победу. Хотя подвиг Деция можно воспринимать как образец римской *virtus*, переходящий от одного поколения к другому⁹.

Вполне возможно, что во времена Горация имена собственные, к тому же употребленные во множественном числе: Камиллы, Курии, Цетегии — уже сделались нарицательными для обозначения людей образцовой воинской доблести, готовых на самопожертвование во благо родины, а такие имена, как Ганнибал, Пирр, Югурта метонимически получили значение злейшего врага Римского государства. И всякий раз, как звучали эти и подобные им имена, в памяти образованного римлянина, прекрасно знавшего отечественную историю, тут же оживали события глубокой древности или недавнего прошлого¹⁰.

Разумеется, Гораций рассчитывал на высокую образованность своих слушателей и потенциальных читателей. Иначе и быть не могло, ведь в его окружение входили такие люди, как Гай Азиний Поллион, оратор, трагический поэт и историк гражданских войн (ему посвящена ода, открывающая 2-ю книгу «Од»), Марк Валерий

⁹ См. Тит Ливий 8,6–10. Впрочем это мог быть один из трех Дециев, принадлежавших к разным поколениям, но смерть которых расцвечена легендой. Тит Ливий передает рассказ о смерти Публия Деция в 295 г. до н. э. в Третьей самнитской войне, в точности дублирующий легенду о гибели его отца в 340 г. до н. э. (10,28). Аналогичный рассказ существует и о смерти третьего Публия Деция Муса, обречшего себя подземным богам в сражении с царем Пирром при Аускуле в 279 г. до н. э.

¹⁰ Так, имя Герострата стало нарицательным для честолюбца, добивающегося славы любым путем, вплоть до преступления. Так, мы говорим «Сусанин» о человеке, который взялся вывести нас из леса и при этом сам заплутал.

Мессала, оратор и историк, в честь которого написана 21-я ода 3-й книги (ср. *Сатиры* 1,10,85; Наука поэзии 371), историк и поэт Октавий (*Сатиры* 1,10,82)¹¹, историк Фурний, названный Горацием в числе друзей (*Сатиры* 1,10,86) и, конечно же, Вергилий¹². Как видим, увлечение историей не было в окружении Горация чем-то необычным¹³, а одна из од поэта прямо обращена к музе истории Клио (1,12).

Не следует забывать о том, что история пронизывала все обучение римского школьника. Гораций, воспитанник знаменитого Орбилия, несомненно, многое усвоил в годы ученичества. Именно тогда он познакомился с историческими поэмами «Пуническая война» Гнея Невия (*Послания* 2,1,53–54) и «Анналами» Квинта Энния (*Оды* 4,8,15–20). Чтение этих и других произведений, насколько мы знаем, сопровождалось подробными комментариями учителя¹⁴.

Вне всякого сомнения, Гораций читал самые разные сочинения по истории своей страны, причем не только на латинском, но и на греческом языке, например объемистый труд грека Полибия. Он высоко ценил произведения Саллюстия, к приемному сыну которого он обращается в одной из од (2,2,3) и упоминает в сатире (*Сатиры* 1,2,48). Еще до публикации од начали появляться первые книги фундаментальной истории Тита Ливия, с которыми Гораций — это несомненно — ознакомился по мере их появления.

На исторические темы писали произведения многие поэты старшего поколения: осмеянный Горацием автор «Анналов» Марк

¹¹ Вероятно, это Октавий Муза, которому посвящены два стихотворения, приписываемые Вергилию.

¹² Попытки заняться историографией, возможно, предпринимал и Меценат, насколько мы можем судить об этом по обращенной к нему оде Горация (см. 2,12,9–12).

¹³ В послании к Флору Гораций спрашивает: «Что за труд замышляет когорты ученых: / Кто же из вас описать деяния Августа взялся? / Кто же векам передаст все войны и все замиренья» (1,3,6–8; пер. Н. Гинцбурга).

¹⁴ Плутарх в биографии Катона Старшего о первоначальном обучении в старинных римских семьях сообщает, что отец учил сына читать и писать: Катон собственной рукой крупными буквами изложил для мальчика отечественную историю (Плутарх. Катон Старший 20). Это говорит о том, какое большое значение придавалось знанию истории.

Фурий Бибакул, Варрон Атацинский, создатель поэмы «Секванская война», Луций Варий, писавший об убийстве Юлия Цезаря.

Следует сказать, что Гораций внимательно следил и за текущими событиями. В послании к Икцию, прокуратору Агриппы, он пишет:

Должен, однако, ты знать, как дела обстоят государства:
Пали армяне, кантабр — то Клавдия доблесть Нерона,
Доблесть Агриппы; Фраат, преклонивши колени смиренно,
Цезаря власть над собою признал...

(Послания 12,25–28).

Как мы могли убедиться, Гораций прекрасно ориентировался в римской истории и истории края, где он родился. Исторические знания — неотъемлемая часть его духовной культуры, они в значительной степени определяют стилистику его стихотворений, в которых ссылки на историю служат примерами римского патриотизма, готовности отдать свою жизнь ради общего блага.

К отечественной истории Гораций обращается преимущественно в одах, что представляется уместным для этого жанра литературы, в то время как в сатирах и посланиях, имеющих ярко выраженный автобиографический характер, примеры из истории единичны¹⁵.

Итак, Гораций вполне мог сказать вслед за Цицероном: «*historia lux veritatis, magistra vitae*» — «история — свет истины, учительница жизни» (см. Цицерон. *Об ораторе* 2,9,36).

ЛИТЕРАТУРА

1. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 472 с.
2. Цицерон Марк Туллий. Вторая речь о земельном законе // Цицерон, Марк Туллий. Речи: в 2 т. Т. 1. М. Наука, 1962. 448 с.

¹⁵ Иначе в сатирах Ювенала, изобилующих примерами из истории. Но такова творческая установка поэта — говорить только о временах прошедших (см., например, 1,170–171).

REFERENCES

1. Tsitseron, Mark Tullii. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [M. Tullius Cicero. Three Treatises on Rhetoric]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 472 s.
2. *Vtoraia rech' o zemel'nom zakone*. [Second Speech on the Agrarian Law]. Tsitseron, Mark Tullii. Rechi: v 2 t. [M. Tullius Cicero. Speeches, in 2 volumes]. T. 1. [Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1962. 448 s.

Дуров Валерий Семенович

Доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Valery Durov

PhD in Philology (doktor nauk), Full Professor, Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: vsdurov@mail.ru